

В. В. Кривошеев

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В СЕРЕДИНЕ 1970-х – НАЧАЛЕ 1980-х ГОДОВ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ И ИДЕОЛОГИЯ КОНТАКТОВ
(региональные аспекты)**

Анализируются различные аспекты двухсторонних связей Калининградской области и Ольштынского и Эльблонгского воеводств Польши в середине 1970-х – начале 1980-х гг. Отмечается значительное внимание проблемам идеологического взаимодействия. Подчеркивается, что значительное место в этих контактах уделялось вопросам развития народного хозяйства.

This article analyses different aspects of bilateral ties between the Kaliningrad region and the Polish Olsztyn and Elblag voivodeships in the mid-70s-early 1980s. The author pays special attention to the problems of ideological interaction and emphasizes the crucial role of the economic development issues.

Ключевые слова: региональный уровень международных связей; советско-польское сотрудничество; идеологические аспекты контактов.

Key words: regional level of international relations; Soviet-Polish cooperation; ideological aspects of contacts.

Обращение к прежнему опыту взаимодействия различных стран на региональном уровне, с одной стороны, позволяет, на наш взгляд, полнее оценить все положительное, что было в этом опыте, а с другой — предоставляет возможность избежать каких-либо недоразумений и ошибок в отношениях с другими странами в будущем, а также способствует дальнейшему развитию и углублению всестороннего сотрудничества на приграничном уровне. Не исключение и советско-польские связи между регионами двух стран, в частности между Калининградской областью и Ольштынским и Эльблонгским воеводствами.

Известно, что такие связи были установлены впервые в советское время в 1956 г. между Калининградской областью и Ольштынским, а после известной административной реформы в Польше и Эльблонгским воеводством (начиная с 1975 г.) [1, л. 39].

Что касается середины 1970-х — начала 1980-х гг., то о характере, содержании, направленности таких контактов автор данной статьи судит не только по источникам, отчетам и справкам, хранящимся в архиве, или по публикациям газет, но и, что называется, на основе собственных впечатлений. Во-первых, потому, что сам был участником многих контактов с польскими партнерами. Еще в студенческие годы (середина — конец 1960-х гг.), когда центральные органы власти двух стран согласованно разрешили встречи молодежи на советско-польской границе, автору довелось участвовать в них. Во-вторых, в период работы в идеологическом отделе Калининградского областного комитета КПСС была возможность не только приобщиться к разработке планов и программ взаимодействия с приграничными воеводствами и их осуществлению, но и в ходе различного рода совещаний и встреч у руководителей области, которые не протоколировались, наблюдать интерпретацию идеологических установок, оценок, касающихся сотрудничества с Польшей, которые поступали из центра, и формирование на этой основе определенной линии поведения в контактах с соседями.

Что же можно сказать об идеологических контактах и об идеологии контактов с польскими партнерами в целом? Прежде всего, надо сказать, что все сферы взаимодействия, независимо от того, были ли это поездки руководителей сельскохозяйственных предприятий или учреждений культуры, лекторов или строителей, спортсменов или труппы областного драматического театра, пронизывала установка на оказание на польских партнеров такого воздействия, результатом которого стало бы наиболее полное восприятие ими советского опыта, перенятие любой практики, даже если она не вполне могла быть адаптирована к иной социальной среде. Такое воздействие принято называть «мягкой силой» [2].

Но вот что характерно. Вроде бы все контакты с польскими партнерами должны были восприниматься советскими участниками с позиции «старшего брата», своеобразного учителя или даже наставника. Но нет-нет да и проскальзывает в отчетах упоминание советскими людьми о позитивном опыте польских коллег, о желании поучиться у них. Особенно часто это фиксируется в отчетах работников сельского хозяйства, строителей. Вот, например, что отмечали побывавшие в госхозах Лис-

ки, Борки, Калишки работники сельского хозяйства Нестеровского района Калининградской области: все поля «...сплошные, с хорошо обработанными краями, чистые, нигде нет сорняков, что достигается за счет высокой культуры земледелия и строгой государственной дисциплины» [3, л. 53]. Что касается дисциплины, то тут визитеры правы, только дело, вероятно, не только и не столько в государстве, сколько в чем-то другом. О значительных достоинствах выбранных проектов молочных и свинокомплексов свидетельствует отчет работников, посетивших сельскохозяйственные предприятия Ольштынского воеводства [3, л. 70]. Заместитель председателя исполнительного комитета областного совета депутатов трудящихся В. В. Вербицкий информировал об успехах строителей соседних воеводств: «Новые жилые микрорайоны характерны более высокой степенью благоустройства. Фасады зданий привлекают отделкой панелей песчаником с добавлением органических красителей, керамической плиткой» [3, л. 32].

Теперь, когда давно и кардинально изменилась ситуация не только в Польше, но и в нашей стране, во всем бывшем, как говорили, социалистическом лагере, все более отчетливым становится понимание того, насколько поверхностной и даже примитивной была установка на своеобразную идеологическую обработку польских партнеров по взаимодействию. Анализ, тем не менее, показывает, что по сути ни одна справка, ни один отчет делегации в соседние воеводства не обходились без обязательной фиксации социально-политической обстановки в них, идеологических настроений жителей воеводств, без того, чтобы не указать и на соответствующую подготовку тех, кто общается с польскими партнерами, и на то, какое благотворное влияние оказали на польских коллег контакты с представителями советской страны. Вот, например, что сообщает обком комсомола о том, как велась подготовка студенческого строительного отряда «Товарищ-80» для работы в Ольштынском воеводстве: «Подготовка отряда проводилась в соответствии с планом... в который включались медицинская подготовка, обучение бойцов отряда строительным специальностям, правилам техники безопасности, подготовка к общественно-политической деятельности» (выделено мной. — В. К.) [4, л. 120]. Примечательно, что, отчитываясь о приеме аналогичного отряда польских студентов, обком ВЛКСМ также сделал упор именно на неких внешних атрибутах политического воспитания, точнее, на их отсутствии: «...отрядные линейки не проводились, агитационно-пропагандистская, культурно-массовая работа почти не велась, социалистическое соревнование было организовано слабо...» [5, л. 93]. При чтении подобных комментариев не покидает ощущение, что руководители комсомольских органов, как и большинство их «старших товарищей», или застряли где-то в 1930-х гг., или в большинстве своем отдают дань некоему ритуалу, не более того. Жизнь шла своим чередом, в ней было все, как позитивное, так и негативное, но идеологическое «шаманство», оказывается, продолжалось.

Наверное, поэтому события конца 1970-х — начала 1980-х гг. оказались для многих участников и организаторов советско-польских контактов на региональном уровне столь неожиданными. За ретушью

пропагандистских штампов далеко не сразу и не всем удалось рассмотреть сущность происходящего. Более того, складывалось впечатление, что и наши польские партнеры, и наши собственные идеологические кадры совершенно не были готовы работать в иной социальной обстановке, в ситуации реальной политической конкуренции, когда убедительность доводов отнюдь не была связана с господствующим положением некой силы. Еще в начале 1979 г. ЦК КПСС потребовал активизировать сотрудничество с организациями Польской объединенной рабочей партии. Секретариат обкома принял «предложения отделов» по выполнению указаний центра, но вновь все свелось к стандартным положениям: «Обеспечить в 1979—1980 гг. принятие предприятиями — коллективными членами Общества советско-польской дружбы социалистических обязательств...»; «Обсудить на совещании секретарей горкомов, райкомов партии, руководителей идеологических учреждений, предприятий и организаций... задачи по повышению эффективности связей в свете требований постановления ЦК КПСС...» [6, л. 132]. Конечно, будь усилия местных идеологов более грамотными, социологически технологически выверенными, глядишь, и никаких дальнейших событий, включая военное положение и «круглый стол» с представителями оппозиционных сил, в Польше не было бы. Микроусилия, а в данном случае это воздействие на региональном уровне, какими бы профессиональными они ни были, не могли остановить масштабные процессы в социуме в целом, причины которых глубоки, а вовлеченность в них разных сил огромна. И все же симптоматичен сам подход к организации деятельности: все оказалось стандартным, по раз и навсегда заведенному сценарию — надо провести совещание, надо организовать соревнование.

И еще одна примечательная деталь. Правда, она выходит за рамки проблем данной статьи, но все же позволяет сделать определенные выводы, касающиеся отношений двух стран в начале 1980-х гг. Считается, что В. Ярузельский в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. будто бы совсем неожиданно, по крайней мере для многих руководителей воеводских органов власти объявил о введении в Польше военного положения [7]. Представляется, что не все так просто. Какая-то информация от центральных органов власти Польши, даже судя по переписке, сохранившейся в местных архивах, все же предварительно доводилась и до воеводских структур. Об этом свидетельствует следующий факт: 7 декабря 1981 г. председатель правления Калининградского областного отделения Общества советско-польской дружбы, заместитель председателя облисполкома В. В. Богданчиков обратился в обком КПСС с письмом, в котором испрашивал разрешение на встречу на границе 14 декабря 1981 г. с целью обсуждения с польскими партнерами из Эльблонга планов дружественных связей на 1982 г. Секретарем обкома КПСС К. Ф. Щекиным было дано поручение сотруднику, который в идеологическом отделе занимался в ту пору польско-советскими контактами, согласовать время и дату с соответствующими инстанциями в воеводстве. Работник 10 декабря сделал на документе соответствующую запись: «Эльблонгский воеводский комитет ПОРП не поддерживает данную просьбу отделения ОПСД (Общества польско-советской дружбы. — В. К.)

о встрече...» [8, л. 132]. Отделение общества польско-советской дружбы могло и не знать о предстоящих событиях, но воеводский комитет ПОРП, уже, вероятно, знал, почему данную встречу надо отложить и что должно произойти в Польше в ночь с 12 на 13 декабря.

Подводя некоторые итоги, можно с полной уверенностью констатировать, что в советско-польских контактах на региональном уровне в середине 1970-х — начале 1980-х гг. было немало идеологизации, что не позволяло в значительной мере строить межгосударственные связи и отношения на основе взаимного понимания непростых проблем, с которыми в ту пору столкнулись две наши страны.

Список источников и литературы

1. *Государственный архив* новейшей истории Калининградской области (ГАНИКО). Ф. 1. Оп. 69. №69.
2. *Дмитриев Т.* Очарование «мягкой силы» // Политический журнал. 2005, №10 (61).
3. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 63. №53
4. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 76. №200.
5. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 66. №93.
6. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 73. №132.
7. *Мастеров В.* Генерал в военном положении. URL: <http://www.vremya.ru/2006/230/5/167696.html> (дата обращения: 25.07.2012).
8. ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 79. №225.

Об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: krivis48@rambler.ru

About author

Prof. Vladimir Krivosheyev, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: krivis48@rambler.ru